

Некурортный роман

Юлия Комарова

Юлия Комарова

Некурортный роман

«Автор»

2024

Комарова Ю.

Некурортный роман / Ю. Комарова — «Автор», 2024

Елена живёт в некурортном крымском городе и учится на романо-германской филологии в Симферопольском университете и не собирается влюбляться в своего преподавателя, тем более, что гадалка предсказывает ей два сердца, две любви. Но как оно всё повернётся, не знает никто.

© Комарова Ю., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Юлия Комарова

Некурортный роман

Глава 1

Прощание

Детство – это другой мир. Это время, когда времени не существует. Помните это состояние, когда теряешься во времени? #Растворяешься? Ты как бы вне его жестких рамок – вне суеты и обязательности серьезной жизни. Зависаешь и паришь... Чаще всего это летом, на море – вот ты лежишь, лежишь на волнах, и вот уже сто лет прошло, или минута – ты не понимаешь, но солнце уже садится, окрашивает бирюзовую воду в фиолетовые цвета.

Или притаился в палатке где-нибудь в горах, ночью, и слушаешь лесные шорохи, не можешь заснуть и понимаешь, что там сейчас что-то важное происходит, идет какая-то удивительная жизнь, за этим тонким брезентом, но выйти боишься, потому что – а если это злые эльфы, и они утащат тебя к себе, а вместо тебя подкинут родителям своего прожорливого ребенка?

В пионерском лагере просыпаешься среди ночи – тебя намазали мятной зубной пастой, и она холодит щеку. Идешь отмываться на улицу к кранам, запрокидываешь голову, а там – звезды. Целая куча. И вспоминаешь, что из них можно составить картинки, и вот уже там у тебя и львы мчатся по небу за антилопами, и жар-птицы взлетают, роняя перо... И паришь с ними, пока холод не приведет в чувство.

А еще часто такое было в троллейбусе, если едешь вечером в пустом и тихом. Смотришь за окно в мелькание огоньков-домов-машин, смотришь и понимаешь, что ты один на свете – наблюдатель... И пропускаешь свою остановку.

И вот сейчас иногда кажется, что стоит вовремя оглянуться, и из этой старой калитки выйду я многолетней давности и присоединюсь к веселью. Или на пляже выползу запыхавшаяся из воды и улягусь греться, прижимаясь плотнее к черному боку камня. И начну ловить зазевавшихся крабов. Или распугивать мелкую серебристую рыбешку. Просто я потерялась во времени... Бывало такое? Я бы назвала это состояние по аналогии с невесомостью – невременность. Есть слово "безвременье", но оно о другом. #

Мне страшно не хотелось взрослеть. Наверное, и мужа я выбирала себе не для взрослых дел, а чтобы он меня понянчил. Он старше меня на 20 лет. Когда тебе самой 20, это много. Зато потом, с годами, грани стираются, время не имеет такого значения. А вот болезни – имеют. И нянчить приходится его. А я не готова.

Но вот мне пришлось самой идти на рынок, самой нести продукты домой – я так и не выучилась водить машину. Мне всегда нравилось ездить на рынок с мужем – идти с ним по длинным разноцветным рядам с овощами, фруктами, зеленью в облаках сменяющихся ароматов и просто быть рядом, когда он торговался с продавцами весело и успешно. Муж располагал их к себе – он умел сказать вовремя доброе слово, назвать по имени тех, кого встречал уже второй раз, а у тех, с кем общался дольше, интересовался семейными делами, расспрашивал про детей. И не стеснялся громко, хорошо поставленным баритоном расхваливать товар. Обычно за нами тут же выстраивалась очередь. Муж никогда не проверял сдачу, но его никогда не обманывали, не обвешивали и не надували. В отличие от меня.

Если я ходила на рынок без него, каждый из продавцов считал своим долгом смухлевать – видимо, я располагала к обману. У меня на лбу было написано: добро пожаловать в страну наивных девочек, которые не умеют быстро в уме считать и не дружат с цифрами. Хотя я уже давным-давно не девочка.

Я не стала набирать много – не дотащу. Взяла по паре огурцов-помидоров, по пучку зелени, домашнего адыгейского сыру и свежей султанки. Хотела взять мидий, но свежих не было, а мороженые я не люблю.

Накрывала на стол с удовольствием. Я люблю готовить – вот насколько не люблю покупать продукты, настолько люблю готовить. Мы обычно обсуждали меню с мужем – он у меня гурман. Поэтому я представила, что он сидит рядом и одобряет или нет мой выбор. Постаралась собрать всё, что он любит: канапе с икрой и лимончиком, овощи натуральные (никаких размякших салатов), соусы к овощам отдельно, сочные отбивные, пышное пюре (взбивать с маслом, потом добавить подогретого молока и довести миксером). Кутью же ещё. Он терпеть не мог курагу, поэтому с изюмом. Пирожки. Пирожки он любил, но особенно – рулеты с маком. Мака я не жалела, весь смысл в этом: мака должно быть много (хорошо проварен, растёрт с сахаром). И ватрушки...

Ненавижу. Ненавижу их всех. Мы были женаты 18 лет, и все эти годы они мне улыбались, они принимали мои подарки. Улыбались и мило беседовали. А теперь приехали, нажрались и не нашли ничего лучше, чем высказать, какой я была плохой – лишила их внимания отца и деда, заграбастала его квартиру и машину. А то, что я три года за ним ухаживала лежачим, а то, что я окружила его вниманием и теплом, когда он стал невыносим, раздражителен, навязчив? А то, что я его утешала, когда он ныл и жаловался? И – я любила его. Люблю.

Любовь не уходит со смертью человека. Рядом будто нет никого, но есть, есть. И странное такое чувство: нет внешней опоры. Нет того, кто всегда был, всегда всё решал, всё брал на себя. Наверное, он начал прорастать внутри меня. Я впервые смотрела на всех его глазами и видела их отстранённо. Он говорил: «Наш девиз: не обижать и не обижаться!» И я вдруг поняла: а чего обижаться? Я была с ним целых 18 лет, и он остался со мной. А они окончательно его потеряли.

Станный сегодня воздух. После вчерашнего грибного дождя и радуги он неправдоподобно синий и чистый, будто окошко тщательно промыла аккуратная хозяйка – так, чтобы ни капли "химии" не осталось. И запахло землёй, травой и морем, жарким солнцем и крепким ветром. Запахло наступающим летом. Камни сразу нагрелись, но ещё не раскалились, на них стало уютно сидеть. Сидеть и дышать, и смотреть, и – глупо, но мечтать о том, что всё будет хорошо. Хорошо несмотря на то, что вот сейчас, сию минуту моё детство закончилось, истекло...

Открытый урок

Мы познакомились на практике. То есть я проходила школьную педпрактику, а он её вёл. И приехал ко мне на открытый урок. Я вообще не волновалась. Чувствовала себя совершенно на своём месте: детей я понимала интуитивно, а старшеклассников так и вообще чувствовала, как своих. Между нами было всего-то 4 года разницы.

И ребята не подвели: реагировали на шутки, рвались отвечать на вопросы, не стеснялись встать у доски или подать реплику с места. Главное – уложиться в 45 минут и успеть провести опрос, дать новый материал, записать задание на дом. И всё получилось идеально.

Вик Саныч сидел на задней парте и добродушно улыбался в бороду, похожий больше на геолога из чёрно-белых фильмов, чем на филолога-германиста. Ему бы ещё гитару и песню Высоцкого для полного сходства. Ученики выходили из класса – кто-то быстро, а самые копуши мучительно медленно. Последним ушёл Антон. Обычно он подходил ко мне и что-то спрашивал, мы с ним обсуждали всякое вроде бы внеклассное чтение, что-то необязательное, но любопытное.

Сейчас он подошёл с переводом «Эпитафии» из «Кримв». Мы хотели сделать эквивалентный перевод, но тогда надо было убрать половину слов. Английский более компактный, чем русский. В стихах это особенно заметно. И у нас не получалось. Мы бились над припевом:

Смещение – мне эпитафия.

Я всё ещё ползу тропой разбитой,

и если всё же справимся, друзья,

мы вместе посмеемся перед битвой.

Да только завтра буду плакать я.

Да, я боюсь, что буду плакать я.

Вик Саныч подошёл и сразу включился:

– King Crimson? А если так:

Неверной тропой пробираюсь я...

Смещение – мне эпитафия.

Антон сурово посмотрел на Вик Саныча и забрал тетрадку с текстом, а я про себя подумала: неплохо же!

– Ладно, потом. До свидания, Елена Сергеевна.

– До свидания, Антон!

Если честно, мне уже хотелось, чтобы он ушёл. Мне не терпелось услышать похвалы своему уроку. Я же знала, что всё получилось на «пятёрочку».

А Вик Саныч сказал: «А пойдёте погуляем. Вы мне город покажете, а я расскажу свои впечатления. В неформальной обстановке. Идёт?» И мы пошли. Я люблю свой город. Как его не любить? И умею преподнести его так, чтоб и другой его полюбил.

Я показала ему Владимирский собор рядом с Памятником, заставила потрогать шершавые отметины от осколков на боках старой кладки, рассказала, как мы в начальных классах заползали в разбитые подвальные окошки и проникали в нижний храм – туда, где лежали кости адмиралов. Страшно, аж жуть! Вик Саныч улыбался и расспрашивал, как же мы там в темноте. С фонариками, конечно.

А потом повела его вниз по Синопской лестнице к морю, на Приморский бульвар. Я люблю эту лестницу, там виды отличные открываются на бухту, надо только знать, откуда смотреть. А внизу мы сразу оказались будто в другом мире: конец сентября был жаркий, даже душный, море парило, в выцветшей воде бухты белел одинокий парус, от камней набережной шёл жар. Бухта раскинулась совершенно сладострастно, обнажая самые укромные свои уголки, подставляя морю и солнцу белёсые камни, будто интимные кусочки незагорелого тела. А под укрытием парашюта лежали бродячие псы с высунутыми языками и тяжело дышали.

Он повёл меня в прохладное кафе, одно из Близнецов, и заказал кофе с орешками и виноград. Гроздь оказалась сочная, спелая, золотистая. Мы выпили кофе и забрали виноград с собой, ели, усевшись прямо на ступеньках, ведущих к причалу. И мыли липкие сладкие руки в море. И болтали ногами в воде.

– Эх, ну почему я не ношу с собой купальник на уроки? Сейчас бы проплыть хоть до Памятника!

– Кстати, об уроке. Я так и не сказал, что всё прошло отлично.

Вик Саныч заговорил вроде бы об уроке, а на самом деле о том, какая я умница, как у меня всё хорошо получилось, как ловко я управляюсь с учениками. Я расслабилась и улыбалась.

– А этот Антон в вас влюблён.

Я посмотрела ему в глаза, впервые за всё время. Хотела отшутиться: что за глупости! Но сразу поняла: он меня раскусил. Я знала, что мальчик в меня влюбился, и мне это было приятно. Я влюбляла его в себя весь этот месяц. Пробовала свои силы? И Вик Саныч не улыбался, не шутил. Он смотрел мне в глаза и жалел Антона.

Мы гуляли до самого вечера. Говорили обо всём: о моём детстве, литературе, обсуждали откровения последних лет: Сталин, ГУЛАГ, железный занавес. Я предложила проводить его на вокзал. И оказалось, что он севастопольский, здесь живут его родители, и он не уезжает сегодня в Симф.

– Так что же вы просили меня показать вам город?

– А это я нарочно. Всегда интересно послушать, как другой человек рассказывает про то, что ты хорошо знаешь.

– Скучно же!

Но он не стал говорить комплименты, которых я уже ждала, просто улыбнулся и предложил:

– Давайте лучше я вас провожу.

И мы шли к моему дому ещё целый час – останавливались, присаживались на лавочки, поворачивали в проходные дворики, чтобы сократить путь, но он всё удлинялся. И теперь Вик Саныч рассказывал мне про свой Севастополь – какой он был в годы его детства. Как строились заново все эти привычные дома в центре: Большая Морская, площадь Нахимова, площадь Ушакова, Горка. Его папа был строителем, а мама учительницей начальных классов.

Окошки нашей однушки на первом этаже не горели: мама уехала в круиз по Волге. Я жила этот месяц совершенно одна. Могла бы позвать кого угодно. И последние полчаса всё думала, не пригласить ли Вик Саныча. Было такое смешанное чувство: и хочется, и колется.

Когда мы прощались, меня потянуло до него дотронуться, прикоснуться – пожать руку, что ли? Как-то глупо. И тут он взял мою руку и поцеловал.

– Спасибо, Лена. Вы сделали этот день особенным. Я его запомню.

И я запомнила. Пришла домой и всю ночь писала стихи.

Душный сентябрь. Виноградные жаркие слёзы

соком густым на горячие камни стекают.

Жизнь выгорает на солнце, расслаблены позы -

вот и собаки лежат у стены и не лают.

Ветер иссяк. Паруса нашей лодки повисли.

Море белеет, а греками названо "Чёрным".

Зной расплавляет разумные, гордые мысли

в тихую радость – остаться слепым и покорным.

Нечем дышать – от любви, сентября и покоя.

Нечем унять тёмный жар подступающей ночи.

Нечего ждать – только тронуть прозрачной рукою,

и не понять – я хочу, ты ли этого хочешь...

Гадание

В той поездке мама познакомилась с будущим отчимом. Смешно, но он напоминал чем-то Вик Саньча, только без бороды. Смотрел на меня внимательно, слушал, подавшись вперёд, будто ждал, что я расскажу ему что-то важное.

Почему люди всё время кого-то напоминают? Причём не обязательно знакомых людей, иногда животных или птиц. Как будто наш разум подстраивается под другого, пытается его понять и включить в какой-то огромный каталог, упорядочить или идентифицировать. Мы смотрим на человека и оцениваем – уже ожидаем от него чего-то знакомого, пройденного. Понятого. Да, именно понятого.

Они поженились к Новому году. Я уверяла себя, что очень рада за маму, а на самом деле ревновала страшно. Мы с ней жили вдвоём с моих 12 лет, я свыклась с мыслью, что мы с ней лучшие подруги, а тут такое. Мама реально потеряла голову: Пашенька то, Пашенька это. И никаких откровений за чаем, никаких задушевных разговоров на ночь. Она и ночевала-то теперь дома редко.

Когда в декабре мы переехали в его шикарную чешку, я пожила с ними какое-то время, а потом вернулась в нашу старую квартиру на Гоголя. Не могла вынести этого перезрелого счастья. Мама пыталась меня заманить к себе, но как-то вяло. На меня у неё явно не хватало сил. А ещё страшно бесило, что в моей комнатке были слышны все звуки из спальни за стенкой, и эти стоны казались мне чем-то диким, неподобающим людям в возрасте. А маме тогда было за сорок – практически закат жизни.

Со всей жестокостью молодости я заявила:

– Учтите, нянчить вашего ребёнка я не буду!

С Вик Саньчем мы увиделись только в универе, когда я сдавала материалы по практике. К тому времени наша прогулка уже казалась мне чем-то нереальным. Я всё думала, как повести себя с ним? Сделать вид, что ничего не было? Ведь ничего же и не было! Но он так искренне мне обрадовался и так открыто благодарил за экскурсию по городу, что я совершенно успокоилась. Только где-то глубоко внутри неожиданно проклюнулось сожаление: значит, он не придаёт этому того значения, что придала я.

А я так ждала нашей встречи! Такого себе навоображала! Но вот спустилась с небес на землю и расспросила о нём на факультете. Наконец-то. Конечно, женат. Двое детей, двойняшки, уже студентки. То есть что, у него дети такие, как я? Кошмар какой-то!

Ну и вообще в принципе женатые – это табу. У меня была учительница по литературе в 10-м классе, Нана Борисовна, я часто ходила к ней в гости. Она была старше меня всего-то лет на 10, но казалась мне тогда старухой. Она и правда выглядела плохо. Потухшая такая, серая, как прогоревшие угли, когда в них уже ни жара нет, ни огня. Вот она-то мне и сказала как-то, что женатые – табу.

Она в институте влюбилась в препода прямо на первом курсе, а он в неё, тут же развёлся, из партии его исключили, с работы турнули, но он всё равно. И такое счастье у них было – крышу сносило! А через 7 лет купался в море в шторм и утонул. На похоронах жена бывшая к ней подошла и сказала, что это расплата. Нана рассказывала мне и плакала. Было неловко

и жалко её. Я потом перестала ходить к ней в гости. Было такое чувство, что её несчастье перенесётся на меня. Поэтому да, табу.

Да и что я себе сочинила? Он-то вообще ни сном, ни духом. И хорошо.

Мы с девчонками тогда увлеклись гаданием: по картам, по кофейной гуще. Поехали на окраину Симфа к старухе-гадалке. Реально страшная – на Бабу-Ягу похожая: без зубов, в платке и длинной юбке. Повела нас на кухню, молча варила кофе, а руки у неё дрожали, и я думала: «Как она будет разливать его по маленьким чашечкам?» Но разлила идеально, не пролив мимо ни капли, и заставила выпить прямо до самого доньшка, до гущи, а потом накрыть блюдцем и перевернуть от себя.

Я посмотрела и ничего не увидела, кроме коричневых разводов по стенкам, а старуха ткнула пальцем и говорит:

– Смотри, будет у тебя всё, что тебе надо, причём без особых усилий. Видишь – полная чаша, но не переливается через край, чуть-чуть не достаёт до краёв. Значит, избытка не будет, ничего лишнего. И вот ты в центре, а вокруг люди, все тебя слушают.

– А, это я учительницей быть собираюсь. В школе.

Старуха всё вглядывалась в чашку – кофейные потёки и правда складывались в картинку. Я увидела котика, птичку, какой-то парус или маяк, но она ничего не говорила о них.

– А любовь?

– А любовь дважды найдёшь и потеряешь.

– Это что? Разведусь?

– Нет.

– Как нет? А что же тогда?

– Не вижу. Но вижу два кинжала и два сердца.

– Так может, это как раз один раз и на всю жизнь?

Старуха взглянула на меня каким-то вороньим тёмным глазом и вдруг расхохоталась.

– Один раз и на всю жизнь? Один раз?

Из её беззубого рта вместе со смехом и словами вылетала слюна. Я отшатнулась и вытерлась рукавом водолазки.

Ане она нагадала 7 детей, Оле вообще какую-то дальнюю дорогу. Мы ехали домой в полупустом троллейбусе и обсуждали всё, что услышали. И решили, что врёт она. А деньги дерёт.

– Деньги дерёт, а корицу жалеет!

И теперь уже мы хохотали, как ненормальные, толкали друг друга и смеялись, смеялись. И изображали Карлсончика с пропеллером и фрекен Бок, как они танцуют в мультфильме.

А на следующий день была пара у Вик Саныча. Я села на последний ряд, смотрела на него и думала: ну вот одну любовь я точно нашла и сразу потеряла, всё сходится. Но вроде должна быть и вторая. Два кинжала и два сердца.

Грачи прилетели

Новый год я встречала с мамой и Пашей. Про себя я прозвала его Нахимовым – он тоже Павел Степанович. Неплохой вроде мужик. Мама с ним как-то даже похорошела, что-то в ней изменилось неуловимо: стала спокойнее и как-то уверенней в себе. Вообще это странно, что нам нужен кто-то извне, кто-то ещё, чтобы чувствовать себя хорошо. Это вообще правильно или нет? Почему всё так устроено? Специально, чтобы мы нуждались друг в друге, женились, рожали детей? Тогда это нечестно.

Приехала я из универа в надежде погулять с друзьями, всю ночь праздновать и отрываться, и вот снова, как в детстве, заболела прямо под самый праздник. Я не знаю, почему так

происходит, но я всю жизнь, начиная со школы, не болею в учебное время, а на каникулах или длинных выходных лежу и помираю.

Голову ломило, глаза воспалились. Читать невозможно. Только лежать и смотреть в окно. У нас каждая улица ниже предыдущей, террасами, поэтому очень удобно смотреть на крышу дома напротив. Особенно, когда начинается нашествие грачей или чаек. Грачи прилетают в начале зимы из своих холодных краёв к нам – по пути в более южные страны. А чайки слетаются в город уже под конец зимы, когда море остывает, рыба уходит на дно, и им становится голодно и холодно. Смешно то, что грачи чёрные, а чайки белые. Монохром.

И вот – сегодня грачи прилетели. Залепили крышу напротив плотно, будто её полили гудроном, причём он ещё не застыл и шевелится. Бррр. Наверное, у меня температура. Или дежавю. Один в один я так лежала и болела сто лет назад.

Помню, я лежу и грущу. На дворе 80-й, год Олимпиады. То есть не совсем на дворе, но близко: осталось всего несколько дней 79-го. Начало зимних каникул я отметила, как обычно: температура, больное горло, голова чугунная. И есть не хочется. А мама буквально вливает в меня куриный бульон, готовит котлетки на пару. Фуууу... Хочется только пить и спать. Спасает лишь то, что мама дома исключительно часов до 8 утра (и когда же она встала, чтобы смастерить все эти диетические мучения?), а потом до ночи у нее мероприятия. Она обеспечивает. А я могу спокойно лежать и смотреть на наглых грачей. В общем-то им тоже не сладко. Попробуй полетай два раза в год на такие далекие расстояния. Хорошо, конечно, уметь летать. Но холодно, наверное. И ветер. Допустим, дует навстречу. Однажды я видела, как чайка боролась со встречным ветром – так яростно махала крыльями, чтобы удержаться на месте. А потом плюнула и полетела в ту же сторону, куда он. Наверное, это было мудрое решение. Но мне было жаль. Я готова была ее подталкивать, лети она чуть ниже. Я даже закричала ей: «Эх ты! Слабачка! Вернись!» На Новый год я никогда не жду подарков. Я знаю, что обычно мне дарят нужную одежду и фломастеры. Мне вообще в голову не приходит заказывать подарки деду Морозу. Я очень сознательная девочка, я понимаю, что нас много, а дедушка один. Даже если он не существует. В этом году мне впервые разрешат сидеть за праздничным столом до утра. Обычно сразу после курантов – отбой. И я лежу в своей комнате и слушаю, как за стенкой шумит Голубой огонек. У меня бессонница. Я не умею засыпать при свете и звуках – только в полной темноте и тишине. Поэтому я даже в детском саду не спала днем – просто не могла заснуть, как бы ни устала. Я обычно что-то придумывала, пока все вокруг спят. А в новогоднюю ночь можно лежать и сочинять сказки. Самое правильное время для этого. Но сидеть со взрослыми, наверное, лучше. Хотя я не уверена. То есть именно в этом году было скучно. Мама приехала очень поздно с матросом-водителем на служебной машине. И пригласила его к нам за стол. Я думаю, что и меня, и этого парнишку пригласили для поднятия настроения. Папа и мама разводятся и почти не разговаривают. Только вежливо просят друг друга передать что-то на другой конец стола. Но мы с матросиком подвели. Он был эстонец. То есть реально он был из тех неразговорчивых северных парней. А я неожиданно начала клевать носом. Так что приходилось то и дело бегать в ванную и плескать в лицо холодной водой. Глаза разлипались, но ненадолго. Зато я была в настоящем бальном платье. Мы ставили в школе спектакль "Двенадцать месяцев", я играла Королеву. Платье одолжила одноклассница. Чувствовала я себя в нем необычайно взрослой и красивой. Даже боялась за эстонца: вдруг он влюбится? Что тогда делать? Ему через пару месяцев уже домой, а тут такое. В общем, на беднягу я старалась не смотреть. И не разговаривать. Это было труднее всего, но чего не сделаешь из человеколюбия. Мне как раз очень хотелось расспросить его про Эстонию. В моем представлении это было что-то типа Лапландии. Может, дед Мороз как раз оттуда?

И вот мы сидели за праздничным столом и крепились изо всех сил: я угрюмо отворачивалась от эстонца, а мама – от папы. И наоборот. Только один разочек мы все посмотрели друг

на друга и засмеялись. Это когда пробили куранты, и мы чокались бокалами (у меня – виноградный сок) и кричали дурацкое: "С новым счастьем!"

А на этот раз вместо папы будет Паша. Только грачи неизменны. Ненавижу праздновать дома.

По дороге

Как всегда, праздники кончились, я выздоровела. Готова к труду и обороне. Вообще это, конечно, ужасно: экзамен 3 января. Кто это придумал? Точно какой-то садист. А ещё накануне прошел сильный для наших мест снегопад – земля покрылась слоем снега аж в полтора сантиметра! Мы к такому никогда не бываем готовы. Снег зимой! Вы шутите?

Электрички отменили, а на автобусы образовалась такая очередь, что успеть к экзамену, да и вообще уехать в этот день из города оказалось почти невозможно. Я уже совсем отчаялась и собиралась возвращаться домой, думала, что придётся теперь договариваться о пересдаче и отлавливать Вик Саныча неизвестно где. А в глубине души даже радовалась возможности сдать ему экзамен отдельно от всех, наедине. Поймала себя на этой мысли и напонила себе: эй, табу! Но уехать всё равно как-то надо. Не сегодня, так завтра.

И тут прямо у окошка кассы автовокзала появился молодой весёлый парень с ямочками на круглых щеках. Похож на актёра Леонова в юности. Сразу хочется улыбнуться ему в ответ.

– Я как раз еду в Симф и ищу попутчиков! Поехали вместе?

Он был весь какой-то радостный, возбуждённый. Я тоже обрадовалась.

– Только у меня с собой денег мало – я стипендию должна получить в универе. Вам хватит, если я заплачу, как за автобус?

Он легко и весело улыбнулся: какие деньги, ты что! И мы поехали.

Как же всё-таки снег преобразует всё вокруг, даже вот такой – южный, недолговечный. Возле Бахчисарая тучи разошлись, проглянуло солнце, дорога и деревья по обочинам засверкали всеми цветами радуги! В машине было тепло и уютно, я расстегнула пальто, улыбалась и думала, как здорово всё-таки, что буквально через час я увижу Вик Саныча. В голове начали складываться строчки стихотворения.

Но чем дальше мы продвигались по трассе, тем менее улыбчив становился мой водитель, хотя я сначала не замечала этого, занятая своими мыслями. Он печально и подробно рассказывал, что жена его ждёт ребенка и не подпускает его к себе. Я не вникала. Ко мне это вообще никак не относилось, но водитель то и дело посматривал на меня и, похоже, ждал сочувствия. Снег размок и превратился в коричневую жижу по обочинам дороги. Солнце опять спряталось. Вот тебе и первый снег. Перед Чистеньким машина съехала с трассы в небольшой лесок.

Мы остановились. И я заволновалась. Водитель не улыбался, и сходство с Леоновым пропало. Даже наоборот: он стал похож на злодея из какого-то другого фильма. Кажется, из «Места встречи».

– Ну что? Как расплачиваться будешь? – спросил он хрипло, переходя на «ты». Видимо, тоже волновался.

– То есть как? – я реально растерялась и начала шарить в кармане в поисках денег. Он смотрел на меня всё выразительнее, и до меня дошло.

А где-то глубоко внутри, на совершенно другом уровне сознания я обращалась к Богу и святым, к Богородице – своими словами и совершенно непривычным для себя самой образом, причем была я в ту пору даже не крещена и никаких специальных молитв от насильников, конечно, не знала. Но просила, просила, просила. Вопила прямо. Я не нашла ничего умнее, чем сказать, что меня будут искать. Вообще-то имела в виду, что вот прямо сейчас на мои поиски отправится отчим с мамой, даже представила, как они садятся в его шестёрку и отправляются по моим следам. Но мой водитель понял по-своему и ответил, что тут в лесу никто меня долго

не найдет. Скорее всего, до весны. Я живо представила себе собственный труп где-то под деревом и неожиданно для самой себя начала заливать ему про то, что я понимаю его проблемы, что у нас в общежитии есть девочки, которые с удовольствием ему помогут, а я никакого опыта не имею, чего с меня взять, я вообще только на первом курсе (врала! Я была на третьем, и как это могло помочь?) Но вот другие у нас – о-го-го! И вот они могут, да еще как!

Я совершенно не ожидаю этого и продолжаю что-то лепетать, а водитель, не глядя на меня и не обращая внимания на мои причитания, резко трогает с места, молча разворачивает машину и начинает двигаться к трассе. Как только мы затормаживаем, чтобы выехать на прямую дорогу, я на ходу выскакиваю из машины и отпрыгиваю куда-то в кювет, съезжаю чуть ли не на попе в самый низ по скользкой жиже растаявшего снега и замираю на дне, сижу тихо-тихо. Мне кажется, что это очень глубокая яма, а я никому не видна, незаметна. Я сижу, пока не начинаю чувствовать, что замерзаю. Тогда только встаю, с трудом распрямляю ноги и буквально выползаю на трассу. Сесть в другую машину я уже не решаюсь, хотя несколько водителей останавливаются и предлагают помощь. От них я шарахаюсь в сторону. Когда я иду мимо остановки, рядом тормозит переполненный автобус, я втискиваюсь внутрь и потихоньку согреваюсь. Почему-то быть зажатой телами других людей, быть одной из этой живой плотной массы мне нравится. Я чувствую себя одним организмом со всеми этими простыми и добрыми людьми, которые наступают мне на ноги и толкают локтями в бок. И я тоже наступаю и толкаюсь. Я живу!

Конечно, я опоздала. Все давно сдали экзамен. Ни на улице, ни в коридорах ни одного нашего студента. Пришла, когда Вик Саньч уже оделся и закрывал кабинет.

– Что случилось? Что-то случилось?

Конечно, случилось. Я была в мятом пальто и сапогах, заляпанных грязью, растрёпанная и с абсолютно сухими глазами, но в тот миг, когда он взял меня за руки и заглянул в лицо, слёзы сами прорвались каким-то жутким потоком, неостановимым. Я разревелась. И всё ему рассказала. Он прижал мою голову к своей груди и гладил меня по голове, и говорил: «Тише, тише...» Я подумала: как будто он мой папа. Только папе всё равно.

Вик завёл меня в кабинет, включил электрический самовар и напоил меня чаем с печеньем «Юбилейное». Моё любимое, кстати. В углу висело зеркало, и я успела пригладить волосы и собрать их в хвост резинкой. Меня морозило, и Вик Саньч потрогал лоб.

– У вас температура, похоже.

– Опять?! Я весь Новый год проболела...

– Давайте я отвезу вас в общежитие?

Но я не хотела в общежитие, не хотела видеть однокурсников, не хотела рассказывать девчонкам обо всём, что сегодня случилось. Я бы и Вик Саньчу не рассказала, если бы он не взял меня за руки и не заглянул в глаза.

– А можно мне остаться здесь? Да, конечно, нельзя, я понимаю.

– Я могу отвезти вас к своим друзьям, художникам. У них домик здесь недалеко. Правда, у них младенец. Плачет по ночам.

– Да! Если можно. Я не против младенца.

Друзья Вик Саньча – Зоя и Дима – оказались весёлыми, богемными и даже с лёгким налётом хиппи. Из старого домика они сделали мастерскую, занятую сплошь мольбертами и картинами, а спали по углам на матрасах, только у младенца была кровать, но в основном он тоже спал с ними на матрасе. В комнате пахло очень странно: красками, женским молоком и нестираными пелёнками.

Вместо того, чтобы спать, мы почти всю ночь болтали о путях русского рока и слушали Саш Баша – у них буквально сегодня появилась его пластинка, только что вышедшая на «Мелодии». Я слушала её впервые, и это было потрясение. Так со словом у нас ещё никто не обра-

щался. Время колокольчиков. Да он гений! В отличие от БГ, тексты которого походили на плохой перевод с английского, здесь реально в полный голос звучал русский язык, во всей своей мощи. Я закрывала глаза и раскачивалась в такт песням. Ничего подобного я не слышала и не знала. Все сегодняшние страхи и унижения растворились в этом голосе.

Зоя пошла провожать Вик Саньча и тихо его спросила:

– Ты с ума сошёл? Она же ребёнок!

– Да ты что, у нас ничего такого нет!

– Ты слепой, похоже. Не видишь, как она на тебя смотрит.

Я всё слышала. Не хотела подслушивать, но как-то так получилось. Неужели это и правда видно? Ну и ладно. Мне всё равно.

Младенец спал. Зоя приготовила чая с малиной, дала тёплое одеяло. В домике было уютно и спокойно. Проснулась я поздно и чувствовала себя так, словно это первый день нового года, а всё, что было до этого, просто мне приснилось. Зоя кормила младенца, Дима её рисовал. Это была идеальная картина счастливой семейной жизни. Абсолютная гармония. Вот бы мне так! С Вик Саньчем или с кем-то другим.

Я ехала в общагу и думала, что механизм влюблённости – штука странная. Почему вдруг что-то щёлкает, и из огромного количества лиц и тел мы выбираем именно это? Иногда не самое красивое и не самое приятное. Почему нам оно нравится? Как мы понимаем, кто нам подходит? Почему я так запала на Вик Саньча, когда у нас столько других преподавателей, столько студентов? Но с другими у меня нет этой странной связи, нет тем для разговоров, нет желания разговаривать. Нет желания раскрываться.

То есть для любви должно возникать доверие. Ты должен чувствовать, что этот человек не предаст, не подведёт. А ещё всё дело в том, чтобы это движение, эта готовность раскрыться была обоюдно, с двух сторон. И если такое чувство есть, то – здравствуй, любовь!

Но Вик Саньч вчера сказал Зое, что у нас ничего такого нет. И правильно. Нельзя. Табу.

Глава 2

Революционер Христос

Следующий экзамен был по древнеанглийскому. Мне нравятся древние языки – своей простотой и ясностью. Они как бы каркас, на который потом нарастает всякое, как ракушки на дно корабля, как проза на поэтические строчки. Вот Евангелие – когда его читаешь на древних языках, то понимаешь, что это поэма.

Мне надо было перевести кусочек из Евангелия – тот, где Христос говорит прокажённому: «Хочу, очистись!» И это были вообще первые в моей жизни слова Писания. Странно, конечно. У нас было множество альбомов с живописью, а там же что ни сюжет, то библейский, и я всё это знала, но воспринимала на каком-то другом уровне, как часть культуры. А здесь, в этом кусочке текста, я почувствовала саму жизнь, что-то такое простое и понятное, зарисовку с натуры. По коже пробежали мурашки. Что это вообще такое? Почему я не знала этого до сих пор?

Я пришла в общагу и начала спрашивать, нет ли у кого полного текста Евангелия почитать. И уже вечером мне принесли томик в мягкой обложке – дорожное Евангелие. Кажется, протестантское. Я тогда не разбиралась в нюансах, просто читала. И делилась с девчонками, зачитывала целые куски.

– Да он же революционер самый настоящий! Вы только послушайте, что он говорит!

Девчонки смеялись:

– Скорее он хиппарь. Ходит босиком и ночует, где придётся.

– И волосы ниже плеч. Точно хиппи!

Но потом Оля сказала:

– Я тоже думаю, что это честная история. В том смысле, что Христос правда был. Вот я в прошлом году в Эстонию ездила, мы целый день гуляли по Таллину, а там и католические храмы есть, и русские. Мне в костёле – вот честно – было красиво, но не очень уютно. Пусто как-то. И орган этот такой, знаете, сверху вниз на тебя смотрит. А потом мы зашли в русскую церковь, и будто домой попали – так хорошо, так тепло. Пели там красиво, как у Блока: девушка пела в церковном хоре... Помните? Я аж разревелась. И вот чего, спрашивается? Не знаю. Уж очень мне было хорошо.

– А вы знаете, что у русистов какой-то поп ведёт факультатив про религию? Твой, Лен, севастопольский. Приезжает раз в неделю, кажется. Или два? Можно сходить, послушать, только узнать время. Ладно, девчонки, давайте спать.

Но я не могла заснуть. С этим надо было что-то делать, с кем-то поделиться. Я пошла на кухню и нашла там наших мальчишек – по ночам они регулярно жарили картошку. Почему-то они не прониклись. Тогда я села в холле и начала читать с начала.

Проснулась я от холода – холл продувало с лестницы. За башней общаги начинались старые одноэтажные домики, занесённые новым снегом, с дымками над трубами и белыми звёздами на небе. Какая-то аномально снежная зима. Второй снегопад за две недели.

Луна тоже была большая и белая. Опять монохром. Палитра зимы. Я вообще-то не люблю зиму. Мне холодно и неуютно. И не хватает красок – вот, я поняла! Зима слишком экономно расходует ресурсы. Скупердяйка. Я нырнула в постель и зарылась с головой под одеяло, поджала ноги – брррр, ледышки. Теперь не засну, пока не согрею их. Надо бы надеть носки, но где теперь их найдёшь. Начнешь искать – разбудишь девчонок.

Мы с Олей уже три года вместе живём, а с Анькой два. Оля с самого начала произвела на меня впечатление чего-то нежного и воздушного – даже голос у неё был тихий и аккуратный, без лишних тонов. Мне кажется, таких девушек называли раньше тургеневскими. В своих

суждениях Оля очень осторожна, она ни за что не станет выносить приговор и судить кого-то строго, даже по законам военного времени, если ей придётся жить в таких условиях.

Аня – совсем другая: она будто вся состоит из углов и конечностей: длинные руки и ноги, острые коленки и локти, острый прямой нос. Когда она смотрит на тебя своими чёрными глазами, ты чувствуешь, что она видит тебя насквозь. И обязательно скажет тебе, что она думает. Без обиняков.

А в самом начале я сдуру поселилась с севастопольскими, а потом с ними разругалась и перешла к Ольке. Разругались смешно – из-за расчёски. Там одна из девчонок всё время свою расчёску с волосами на столе оставляла – прямо там, где я ем. Бесило это страшно, но я, вместо того чтобы сразу сказать, молчала и терпела, как партизанка Лиза Чайкина, а потом взорвалась и наорала на неё. Хлопнула дверью и ушла. С вещами.

Сейчас думаю, что не это было причиной. Это был повод. А причина та, что мы не подходили друг другу по характеру – они были девчонки слишком правильные, нацеленные на учёбу. А мне хотелось и учиться, и жить одновременно. Жить – в смысле, интересно жить. Ну и дружба – это же почти то же самое, что любовь. Сердцу не прикажешь. Олю и Аню я просто люблю.

Вместе мы ходили на новые и старые фильмы – в Симфе был ретро-кинотеатр, на лекции экстрасенсов – их развелось просто видимо-невидимо. Мы изучали свои гороскопы и натальные карты, нумерологию и хиромантию. Даже камасутру нам кто-то притащил на одну ночь и мы с удивлением и восторгом рассматривали причудливые позы. А всё потому, что нам хотелось узнать про себя что-то важное, глубинное. Прочитать по руке, вычислить по дате рождения, разгадать по звёздам.

Кто мы? Почему такие? Чем отличаемся от других? Это было самое важное. Гороскопы не ввали. И линии на руке предвещали долгую жизнь и соединялись с линией любви. А ещё был гороскоп друидов. «Я дерево, моя листва в облаках...» Красиво.

«Tristia»

Домой я ехала на автобусе – электричку пропустила. Сдавала языкознание, задержалась. А Вик Саньч мне автоматом поставил четвёрку. Я сначала подумала, что можно было попытаться на пятёрку сдать, а потом не захотела. Опять с ним встречаться. Нет. Табу.

В автобусе познакомилась с Максом. Он тоже домой ехал после экзаменов – из художественного училища. Смешно. Максим – это же большой. А он моего роста, не богатырь вовсе, но с бородкой. Похож на фавна с какой-то картины. Весёлый такой, жизнерадостный. Сначала меня это насторожило: знаю я этих жизнерадостных. Всю дорогу рассказывал какие-то смешные истории про художников. И к концу маршрута я расслабилась. Вроде нормальный парень. Договорились с ним встретиться.

У Паши завтра день рождения, гости. Я всё думала, как лучше – остаться или забрать вещи и перебраться на Гоголя. И тут Макс подвернулся. Предложила ему мне помочь, сумки перевезти. Он согласился. А потом погуляем. Или посидим у меня. Смотря по погоде.

Погода с утра оказалась моя любимая: ясная, холодная, с солнцем. Когда идёшь по улице, и каблочки звенят. И воздух тоже звонкий и чистый. И ветра нет. Макс подъехал ко мне в 10 утра, я уже собралась. Мама предложила нам чаю попить, но мне не хотелось. И Макс отказался. Мама сказала, что вечером они ждут нас в гости. С какой стати? Зачем она Макса-то позвала? Я сказала, что не смогу – мне надо к следующему экзамену готовиться.

Мы шли по улице и болтали о всякой ерунде. Макс опять принялся за свои байки, но мне надоело. Такое солнце, такой чистый день – надо стихи читать! И я ему зачитала из Мандельштама:

Возьми на радость из моих ладоней

Немного солнца и немного меда,

Как нам велели пчелы Персефоны...

И когда я дошла до строчки про поцелуи, Макс как-то странно извернулся с огромными сумками в обеих руках и ухитрился меня поцеловать. Вот дурачок! Как же я хохотала! Просто не могла остановиться, пришлось сесть на лавочку, ноги не держали. А он смотрел на меня удивлённо, на лице было написано: «Что я сделал не так?» Да всё не так! Всё! Что за идиот лезет целоваться, когда ему читают Манделя!

Не стала я его звать к себе. Ну нафиг этих мужиков, какие-то они все озабоченные. Поблагодарила и сказала, что буду убираться. Оно и правда: в нашей квартирке был полный бардак.

Поставила «Юнону и Авось» на полную громкость. Проигрыватель у нас был с мамой классный. И пластинки. Я в Симфе в «Мелодии» частенько что-то покупала, у нас почему-то выбора не было, а в Симфе был. Надо бы Саш Баша там попросить оставить, если у них появится. Время колокольчиков. Да, верно он подметил. Эти колокольчики во мне последнее время звенели, я слышала их.

Мир заполнен словами и звуками, но не все умеют услышать ритм и звон. Мне многие говорят, что не любят и не понимают стихи. Не знаю, как это возможно. Стихи – это же суть всех слов, самая основа текстов. Музыка помогает, конечно, но не всегда. Иногда стихам мелодия не нужна, она только опрощает. Чем сильнее собственная внутренняя музыка стиха, тем больше ей мешает внешняя мелодия. Но есть стихи-песни, они живут только в связке, идеально дополняют друг друга.

Тонкую книжечку Мандельштама «Tristia» – перепечатку с издания 1921 года мне привёз одноклассник из Питера, он там учится. Царский подарок. Все стихи оттуда выучила наизусть – столько раз их перечитывала. Вот она, на полочке. Волшебная вещь: открываешь на минуточку, а закрыть не можешь, пока не дочитаешь до конца. А про Тристию интересно. Так называлось собрание грустных стихов Овидия. Оказывается, Август сослал Овидия в Тавриду из Рима, и поэт жаловался на судьбу. Как по мне, у нас не так уж плохо. Но я никогда не жила в Риме времён Августа. Да и вообще не жила нигде, кроме Крыма. Может, после Рима и мне бы в Крыму не понравилось? Хотя вряд ли.

Я думаю, что Крым по-любому лучшее место на земле. На Земле. Ну правда – здесь есть всё: море, горы, степи, холмы, песок и галька, скалы. Красота же! Мне кажется, невозможно Крым не любить, если здесь родился. Или не полюбить, если приехал сюда в первый раз. У нас тут идеальное сочетание всех компонентов природы для счастья. Как там у Бродского про провинцию у моря? Ну правда же: если выпало в империи родиться, лучше жить в Крыму.

Странное чувство. Не знаю, это только у меня или у всех: на новом месте я чувствую себя не совсем настоящей. Сажу, хожу, что-то делаю, но будто это не я, будто всё это понарошку, с кем-то другим происходит. Наверное, так человек привыкает к месту, врастает в него. Как только все углы изучены, и ты можешь пройти в темноте из комнаты в кухню или в ванную, не наткнувшись на мебель, считай, что обжился.

Когда я управилась с уборкой, так устала, что не пошла на днюху к Паше. Но совесть меня не мучила: я же не обещала. Тем более, что я страшно не люблю эти семейные застолья с родственниками. Тошнотно, нудно и предсказуемо. Одно и то же из года в год. Вот странно, что когда ты маленький, и тебе хочется посидеть со старшими и погреть уши, они тебя прогоняют за "детский стол" и на улицу гулять, а когда можно уже сидеть с ними за столом, оказывается, что это дико скучно. Нет в мире совершенства: или куры, или охотники.

Перед сном не забыла загадать: «На новом месте приснишь жених невесте». Проснулась от жгучего чувства стыда: я целовалась с Вик Санычем, причём фоном звучали стихи Мандельштама.

Пошла варить кофе и поняла, что буквально впервые в жизни я живу одна в квартире – и дома, и в Симфе я всё время жила с кем-то, не говоря уж о том, что в яслях и детском саду я с 11 месяцев, потом школа с продлёнкой, летом пионерский лагерь, теперь универ. Я реально никогда не жила совершенно одна. И какой же это кайф!

Можно пить кофе литрами, а можно валяться в постели хоть весь день, и никто ничего не скажет! Можно пригласить к себе кучу друзей и устроить полный беспредел, и никто не помешает!

Но вместо всего этого я открыла учебник и начала готовиться к очередному экзамену. Макс пришёл к обеду. С круглым пряником нашего хлебозавода. Смешно, что один и тот же пряник у нас называется «Севастопольский», а в Симфе «Симферопольский». Вот готова спорить, что в каждом городе Советского Союза он зовётся по имени города! Хотя вкус у него одинаковый, потому что рецептура стандартная. Где бы что ни выпускалось, оно всё одинаковое, по ГОСТу.

Папа рассказывал, правда, давно, когда ещё мы вместе жили, что за границей даже в одном городе сложно купить одинаковые продукты в тех магазинах, что расположены рядом друг с другом, не говоря уж – в разных местах города или разных городах. Мне лично такое нравится. Я вообще за разнообразие и свободу выбора!

Но пряник оказался вкусный – свежайший, нежный, с кисло-сладкой начинкой. Я принюхалась – он и правда пах мёдом. Я заварила чай, и мы вдвоём слопали этот здоровенный пряник вместо обеда. А потом пошли гулять. Макс предложил съездить на Херсонес, но когда мы вышли из дома, стало ясно, что мы припозднились, сейчас там можно было и ноги сломать в темноте. И мы просто пошли на Исторический к Панораме. Мне захотелось прокатиться на Чёртовом колесе – так у нас почему-то зовут Колесо обозрения.

Вообще-то на море меня укачивает, а значит обычные морские прогулки не для меня, но зато высоты я не боюсь, так что на колесе могу крутиться, сколько хочу. Город с верхней точки плывёт внизу по бокам бухты белыми лодочками домов, зелень хвои между домами выплещивается волнами, и я представляю себя на огромном корабле, бороздящем небо, как море. Сегодня день довольно пасмурный, облака скрывают часть местности, а море вдалеке пузырится белыми барашками. Шторм. Ветер наверху жёсткий, пронизывающий. Так и хочется ворваться в этот поток и нестись к горизонту.

Но самое главное: я поняла, что с Максом мне скучно. Он совсем не читал того, что мне хотелось бы обсудить. А про живопись или чем там он занимается, у него только смешные рассказы из жизни художников. Я, конечно, люблю посмеяться, но не до такой же степени.

Ночью я опять пишу стихи.

«На паруснике»

А мы – не мы,

немые, потому что

нам рот забили просолённым кляпом -

норд-остом. И теперь от нас – ни звука.

И мы пьяны.

Нам в рот залили свежий

норд-ост. И вот теперь мы веселимся:

несёмся на летучем гребне жизни

грохочущей волны и всё сметаем.

Мы слепы, потому что крепкий ветер

нам завязал глаза:

хотим смотреть – не можем.

Но силу ветра впитываем кожей

и знаем, что одно лишь есть движение -

вперёд!

А в Симфе мы встретились с девчонками в общежитии и стали придумывать, что можно сделать у меня на квартире в будущие выходные. Например, вечеринку! Девчонки начали обсуждать "что-нибудь тематическое", а потом просто танцевать под чей-то соседский магнитофон, включенный на полную катушку.

Оля с Аней высокие и, что называется, статные, только Оля блондинка с волнистыми волосами, а Аня чёрненькая, как я, но кудрявая. Я на их фоне смотрелась мелкой пигалицей. Впрочем, я на фоне любого нормального человека так смотрюсь. Ниже меня на факультете только Маша – маленькая, но буйная.

С ней мы познакомились смешно. Она с самого нашего поступления регулярно каждый воскресный вечер обходила все (или не все?) комнаты в общежитии и спрашивала, кто что привёз из дома. Меня восхищала её непосредственность. Нет, это была не наглость, а именно совершенно детское какое-то любопытство – любопытство ребёнка, у которого не было дома, не было заботливых родителей, но которому очень хотелось ко всему этому приобщиться, хотя бы через вот эти домашние котлетки или блинчики, которые мы регулярно тащили из дома, и при этом, глупые, ворчали, что нам тяжело. А родители старались запихнуть нам в сумки как можно больше:

– Ты же не одна будешь есть! С девчонками поделись!

Маша жила в общежитии и почти никогда не уезжала домой, даже на каникулы, однако при всей своей заброшенности, не производила впечатления человека страдающего или сломленного обстоятельствами. Наоборот, более весёлой и жизнерадостной девчонки я в жизни не встречала. Маша была хохотушкой и выдумщицей. И при этом училась она отлично. И училась по-настоящему, старательно. Я всё время удивлялась сочетанию этой немислимой работоспособности с удивительным легкомыслием, пока не сообразила, что нет там никакого легкомыслия. Это просто защитная маска, такой вот чехол сверху, который закрывает всё ранимое и нежное в её душе. Так бывает.

Маша была из тех, кто никогда не пройдёт мимо и обязательно поучаствует в любой движухе. Вот и сейчас, едва слышав наши крики и топот, она ворвалась к нам в комнату, распахнув дверь, и деловито заинтересовалась:

– Что празднуем? Торт есть?

И разочарованно уселась есть блинчики с мясом, рассуждая о том, что домашний торт, конечно, гораздо вкуснее магазинного.

– Хватит есть на ночь, Мася, это не полезно для фигуры!

– Я вас умоляю! Моей идеальной фигуре при такой умственной деятельности вообще ничего не грозит! Вы знаете, сколько калорий сжигается, когда я учу грамматику?!

– А чего там учить? Там же всё интуитивно можно ставить на квизах, только потом обосновать, да и всё.

– Так вот чтобы обосновать, учить и надо! – Мася даже подняла вверх свою руку с вилкой в назидательном жесте. С вилки на стол упал кусочек блинчика. Мася аккуратно подобрала его и съела.

– Очень вкусно. Ну всё, спасибо, засиделась я у вас. Спокойной ночи, девочки! Не хулиганьте тут без меня!

Домашка

На домашнем чтении читаю «Винни-Пуха» Милна. Взяла его потому, если честно, что это лёгкое чтение, а мне надо было быстро набрать объём. Но как же это прекрасно: весело, красиво! Такой обалденный тонкий юмор, мягкое подтрунивание над самим собой. А песенки какие классные, невозможно же удержаться и не перевести на русский.

Забавна мыслишка,

что мёд любит мишка.

Жу-жу-жу,

Зачем? Не скажу.

Забавная мысль: был бы Мишка Пчелой,

он строил бы дом на траве луговой.

И если бы Пчелка была бы Медведь,

тогда не пришлось бы ей в ветках пыхтеть!

Домашка – это совершенно гениальное изобретение! Я столько всего перечитала благодаря ей!

Например, «Под стеклянным колпаком» Сильвии Платт. Про неё у нас мало кто знает, а между тем она потрясающе мощная писательница и поэтесса! Вот вроде бы банальный рассказ о собственном опыте нервного срыва на почве перегрузок и любовных страданий, а она так рассказывает об этом, что мороз по коже!

Я потом взялась переводить её стихи и нашла на английском в аудиозаписи её интервью радиожурналисту Орру, записанное буквально за неделю до смерти. Перевела. И как же классно она посетовала, что в стихах про зубную щётку не напишешь, только в прозе. А ведь и правда – мне иногда так и хочется написать про зубную щётку! И после этого интервью я старательно пробую.

Вот я думаю о том, что у неё остались двое детей, мальчик и девочка. И мальчик тоже потом совершил попытку самоубийства. Почему? Это что, по наследству передаётся? И как так может быть плохо человеку, что совсем не хочется жить? Не хочется узнать, что там дальше.

Мне почему-то кажется, что дальше должно быть всё лучше, всё интересней. Мы с девочками недавно это обсуждали. Оля говорит, что представляет меня известной писательницей, поэтессой. А Аньку почему-то видит так: она идёт беременная по улице рядом с мужем, и ведёт малыша за руку, а у мужа на шее ещё один ребёнок. А я смотрела на Аньку и не могла себе этого представить. Трое детей! С ума сойти, это же так много!

У Плат, кстати, есть стихи и про материнство – «Утренняя песня». Чудовищная – правда:

Крик, и, спотыкаясь, из постели -

корова среди цветов -

в своей чудовищной ночнушке – лечу.

Твой рот открыт – кошачий. Это ты

вдруг запускаешь ввысь пригоршню звуков,

прозрачных, как воздушные шары.

Как-то прямо пугающе. Не хочу детей. У Сильвии мне больше всего вот это нравится – это прямо моё, я это очень чувствую и понимаю:

Называется Blackberrying – «Ежевичничая» можно перевести. Ну красота же!

Никого на тропе и ничего – ничего, лишь ежевика,

ежевика – с обеих сторон, больше справа.

Ежевичная аллея спускается петлями, и море

где-то внизу – колышется. Ежевика

крупная – с подушечку пальца, как глаза, немая,

эбеновая в зарослях, тучная -

с красно-синим соком. Расточает его на мои пальцы.

Я не просила такого кровавого родства; она, должно быть, любит меня.

Она устраивается у меня в банке, сминается.

Над головой какофонят клушицы, несутся клочьями -

ошметки горелой бумаги колятся в выдутом небе.

У них есть только голос – протестуют, протестуют.

Уже не верится, что море вообще есть в мире.

Высокие зелёные луга, будто зажжены изнутри, раскаляются.

Я подхожу к кусту, такому спелому, что мухи в гуще

развесили свои сине-зелёные брюшки и стеклянные крылышки – на китайской ширме.

Медовый пир ягод ошеломил их – уверовали в райские кущи.

Снова петля, и ягоды, и кусты кончаются.

Здесь появляется – только море.

В воронку меж двух холмов прорывается ветер,

полоща меня невидимым бельём по лицу.

Эти холмы слишком зелены и сладки для соли.

Я поднимаюсь меж ними по овечьей тропе.

Последняя петля выносит меня к склону лицом к лицу,

и это лицо – рыжая скала, глядящая в ничто,

ничто – только великий покой белых и оловянных бликов

и звон серебряных молоточков, бьющих и бьющих по несговорчивому металлу.

Я сразу вспоминаю, как собирала ежевику у бабушки на даче, пока её не разрушили, застраивая Остряки. Или у тёти Тамары в Кацивели. Эти ежевичины и правда заслуживают быть воспетыми – тёмные и очень сладкие, они пробуждают какие-то тайные желания.

Моё тайное желание сейчас одно, но я его и себе не озвучу. Стыдно!

Зимой всегда наступает такой момент, когда остро хочется в лето. Снять с себя все сто одежек без застёжек и броситься в море. И плыть, плыть куда-то к горизонту в тёплой и мягкой воде, отдыхать на спине и опять плыть. Всё-таки есть в этом что-то эротическое, в том, как ты двигаешься в воде – ритм, энергия.

Вот интересно, что с моря берег всегда кажется ближе, чем на самом деле. Кажется, что не так уж далеко ты отплыла, а когда возвращаешься, устаёшь под конец и вылезает на берег вообще без сил и лежишь, впитываешь тепло мелкой гальки, тепло солнца. После этой странной близости с морем.

Летом, кстати, можно жить вообще без еды, на одной пране – реально на солнечной батарее. Есть хочется только к вечеру, да и то не так чтоб сильно. А зимой я всё время мёрзну и хочу горячего питья – чая, кофе, травы какой-нибудь заварить. И с мёдом или вареньем. Варенье обалденно варит мама – она как-то умудряется его не переварить, а выключить, когда ягоды ещё не потемнели, но уже пропитались сахаром и не закисло. Мамино варенье самое

вкусное, особенно вишневое и айвовое. Клубничное я тоже люблю, но оно обычно бывает без ягод, один сироп, потому что в процессе варки я все ягоды съедаю – не могу удержаться. Клубника – моя любимая ягода. У меня день рождения как раз в сезон клубники, и мама всегда дарит мне ведёрко клубники и говорит: ешь, сколько хочешь!

А сейчас, зимой, что остаётся? Сидеть с горячей кружкой чая "под лаской плюшевого пледа".

На днях посмотрела «Жестокий романс», сходу нашла то стихотворение Киплинга, которое пел Михалков – про цыганскую дочь. Красиво, конечно. Но как-то странно. Оно ведь не про любовь, а про свободу. Не про то, что Ларисе нужно с Паратовым замутить, а про то, что целый мир лежит у ног влюблённых, про то, что вдвоём не нужен ни дом, как место привязки, ни какие-то условности. Только любить должны двое, сердце к сердцу.

Вообще, конечно, вся эта тема с приданым, с бедностью, с какими-то чудовищными манипуляциями вокруг красивой и вроде бы неглупой девицы выглядит странно. Неужели так трудно было взять и пойти работать? Ну хоть гувернанткой какой-нибудь поехать в ту же Европу? Мы, кстати, с девчонками ищем себе место в Англии – подумываем, как бы там найти семью, чтоб присматривать за детьми и учить их русскому. Я сейчас переписываюсь с девочкой из Шотландии, она на последнем курсе и собирается ехать во Францию в такую вот семью, на год. Я тоже хочу. Но мне учиться ещё целых два года.

Ладно, пора читать домашку.

Лекции отца Георгия

Познакомились с Денисом. Он учится на третьем курсе филфака, уже после армии, постарше нас на год или два, здоровенный детина чисто славянского типа с копной светлых волос, растущих в разные стороны. И нос картошкой. Денис кажется бесхитростным и даже глуповатым на первый взгляд, но это не так. Он умный и внимательный.

Да, мы с девчонками всё-таки начали ходить туда к русистам на лекции отца Георгия.

Удивительно то, что мы столько слышали обо всех этих библейских историях, но толком их и не знаем, поэтому все рассказы молодого священника кажутся настоящим открытием. Кстати, русистики говорят, что он не женат, но держит celibat. Это такой обет специальный – не монашеский, но жениться нельзя. Олька говорит: жаль, он симпатичный. А мне как-то всё равно, не в моём вкусе, слишком он какой-то кругленький и маленький. Нет в нём мужественности. Но зато он умный, конечно.

Рассказывал нам про блудного сына. Там есть такой момент: брат этого вернувшегося гуляки обижается на отца и говорит ему, мол, ради меня ты пир не устраивал, хотя я тебе помогаю все эти годы и слушаюсь. И мне стало тоже так обидно, что я встала и спросила: как же так, почему такая несправедливость? А отец Георгий искренне удивился:

– Так ведь он всё время был рядом с отцом! Чего же больше? Какой ещё награды надо?

Это что получается – просто быть рядом с тем, кого любишь, этого уже достаточно?

И вот после лекции Денис провожал нас до факультета и сказал, что ездит к отцу Георгию на службы, и нас звал.

– То есть что, мы можем просто так взять и прийти к нему на службу? Без приглашения?

– Конечно, какое тебе приглашение? Любой может прийти.

– А если я некрещёная?

– Ну выйдешь, когда оглашенных прогоняют.

– Это как?

– «Оглашенные изыдите!»

– Это какие оглашенные? Это из поговорки «бежит, как оглашенный»?

– Ну да. Оглашенные должны быстро выйти, пока батюшка за них молится. Это те, кто ещё некрещённый, но собирается – оглашенные.

Пойти очень хочется, но вот с этими оглашенными как-то стрёмно. Почему нельзя постоять и посмотреть, что там и как от начала до конца? Не понимаю. Но мы договорились: на этих выходных Анька едет ко мне, встречаемся с Денисом и идём в храм. Олька тоже хочет, но у неё муж ведь. И кажется, она беременная. Ещё не точно, но скорее всего. Глаза у неё какие-то другие стали. Бедолага. Ребёнок – это же столько мороки, суеты! А учиться как? Оля говорит, что в крайнем случае возьмёт академ, а так постарается справиться. Не представляю!

Мы встретились с Денисом утром в воскресенье на Приморском, сели на катер и поехали на Северную. Никольский храм на Братском кладбище. Я его видела с горки, конечно – он необычный, в виде пирамиды – но там ни разу не была. Вообще не была на Северной. У меня одна одноклассница там жила, ездила в школу на катере, и мы ей завидовали, когда бухту в шторм закрывали, и она не приезжала на учёбу.

На той стороне мы как-то неловко пропустили автобус на кладбище и решили идти пешком. И, конечно, пришли поздно – служба была в разгаре, и никто не знал, оглашенных уже выгоняли или нет, можно ли вообще зайти. И Денис пошёл спросить, а мы с Анькой стояли внизу на ступеньках.

Храм был нереально прекрасен. Старинные стены, шершавые и приятные на ощупь, почти такие же, как в Херсонесе, были как-то хитро сложены – уходили вверх усеченной пирамидой, а венчал её крест. Утреннее солнце щедро поливало нас с Анькой, согревало серые камни, и они как будто серебрились. Всё вокруг было какое-то чистое, радостное, торжественное.

Мы были в юбках и косынках – Денис заранее нам сказал, что без дресс-кода нельзя, не пустят. У меня единственной юбкой оказалась тоненькая, прозрачная на просвет, «марлёвка», которую мне папа привёз из рейса, из Индии, когда мы жили ещё вместе. После школы я юбки не носила из принципа, так надоела школьная форма, дурацкое коричневое платье – колючее, шерстяное, душное. Но эта юбка оказалась настолько тонка, нежна и эфемерна, что я простила ей название и оставила в своём гардеробе. Я не представляю, как эта ткань называлась на самом деле, важна была её невесомость, лёгкость и красота: на белом фоне расцветали экзотические цветы – или то были драконы? И вот, стою я на ступеньках, и уже хочу подняться вверх, как на меня налетает какая-то стрёмная бабка, вся в чёрном, сухая и страшная, и шипит, как змея:

– Ты что ж это, бесстыжая, припёрлась голая в храм? А ну марш отсюда! Как только ноги тебя сюда привели? Бесовские рисунки нацепила! Комсомолка, небось!

И тут солнце зашло за тучу, с моря подул холодный знобкий ветер, камни потускнели, и я оказалась с этой бабкой один на один. Анька уже ушла наверх, а Денис так и не спустился. Бабка плевалась и проклинала комсомол, разрушителей храма и советскую власть. Разошлась не на шутку.

– Блудница Вавилонская!

На последних словах она замахнулась на меня своим чёрным крепким кулаком, и я испугалась, что она меня ударит. Никто и никогда в жизни меня не бил. Мама рассказывала: лишь однажды папа шлёпнул меня по попе, когда я затеяла истерику по поводу "не хочу, не буду". Это у нас в детском саду появился мальчик, который, чуть что, валился на пол и кричал. Вот и я решила попробовать. И вот папа поднял меня с пола, внимательно посмотрел мне в глаза и шлёпнул. И я замолчала, как будто там, на попе, у меня была кнопка выключателя. Так говорит мама.

Я посмотрела на старуху, развернулась и быстро пошла вниз, к морю. Почти побежала.

Туча накрыла уже всё небо, начался дождь. Я чувствовала, что ужасно замёрзла, бежала под этим холодным весенним дождём, плакала и не думала ни о бабке, ни об отце Георгии или Денисе. Или Аньке. Я думала, что вот эта бабка меня прокляла, и я никогда не буду счастлива в любви. Никогда.

Я приехала к себе на Гоголя, вымокшая до нитки и продрогшая до костей, включила «Моей звезде не суждено» БГ и залезла в горячую ванну. И тут поняла, как же я лажанулась! Мама собиралась квартиру мою сдавать. Ну что, логично: я здесь только по выходным бываю, а так квартира пустует. А у Паши трёшка, там они мне комнату отдельную держат. Но я-то, я, дура стоеросовая, за полгода так ни разу не устроила у себя ни шумной вечеринки, ни романтического свидания! Всё профукала. А могла бы хоть сексом заняться, в конце концов! Скоро 20 лет, а я ещё девственница.

Денис и Анька приехали часа через два, рассказывали, как всё было здорово, только они не поняли, куда я подевалась. Поискали немножко по кладбищу и поехали ко мне. Кладбище, кстати, очень красивое: склепы там княжеские, усыпальницы всякие, очень интересно. В другой раз надо будет погулять, рассмотреть.

И вот они приехали, а я уже к этому времени наварила картошки с сосисками – знала, что они голодные будут. Я пюрешку делаю по маминому рецепту: взбиваю с молоком и маслом в пышную массу миксером. А сосиски сначала варю, а потом обжариваю. Вкусно. Мы как-то очень быстро всё съели и поняли, что надо было вина купить. А поздно – теперь закуски-то и нет. Но мы всё равно пошли в магазин, купили Ркацители и яблок. Оказалось, что и то, и другое жутко кислое – невозможно всё это пить и есть вместе. Но мы мужественно пили этот кисляк и закусывали яблоками, макая кусочки в сахар. В следующий раз будем умнее.

Вечером надо было ехать в универ, в общагу. Можно было бы и завтра утром, но тогда надо вставать очень рано – на пятичасовую электричку. Так что мы собрались и выдвинулись на вокзал.

Вот так вся молодость и пройдёт в этих электричках и общагах. Всё-таки надо бы мне воспользоваться квартирой, не упускать шанс. Но с кем? Не с Денисом же.

Глава 3

В электричке

И жали ладонь
ладонью потной,
и только – не тронь!
за звонью нотной,

и шумно – колёс
постук вагонный,
над рябью берёз
пролёт оконный

и белая – вверх
стена крутая,
и зелень, как снег,
не греет, тая.

За битым стеклом,
за грань – несносно
идут напролом
седые сосны.

А я люблю электрички. Во-первых, меня не укачивает в них, в отличие от автобусов и катеров. А во-вторых... ну вообще-то то, что не укачивает, это прямо сразу плюс десять пунктов! Я всё детство с этим укачиванием промаялась. Все нормальные люди наслаждаются, видами любят, а я, как дура, с мешочком в руках, «рыгаю», как выражается моя двоюродная сестрёнка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.